

продолжительности времени должен проживать наследодатель на территории страны, чтобы оно стало для него государством последнего постоянного места жительства. Однако Регламент не исключает и применение привязки закона гражданства, если наследодатель укажет его в качестве применимого права.

Еще одной новеллой в регулировании наследственных правоотношений в Регламенте стал отказ от «дробления» наследуемого имущества в зависимости от его природы и места нахождения. Вся наследственная масса рассматривается как единое целое, что обеспечивает правовую определенность в наследственных делах.

В итоге следует констатировать факт обширной интеграции норм частного права, проведенной в рамках Европейского Союза. Принятые акты, получившие неофициальное название «Рим I», «Рим II», «Рим III», «Рим IV», устанавливают единые коллизионные нормы в регулировании договорных и внедоговорных отношений, определяют применимое право к расторжению брака и раздельному проживанию супругов, а также регулируют применение права в наследственных правоотношениях, в признании и исполнении нотариальных актов.

В названных актах содержится ряд новых подходов в определении применимого права в гражданско-правовых и брачно-семейных отношениях, что представляет несомненный практический интерес для других государств, находящихся в тесных интеграционных образованиях. В частности, государства Евразийского экономического союза, на наш взгляд, могли бы использовать некоторые идеи и подходы, реализованные в актах Европейского Союза, в регулировании частноправовых отношений на межгосударственном уровне в рамках ЕАЭС.

3.2. Право на односторонний отказ от исполнения договора и изменение его условий в одностороннем порядке по законодательству о защите прав потребителей Российской Федерации и Республики Беларусь

Действующим законодательством России и Беларуси предусмотрено право потребителя на односторонний отказ от исполнения условий договора, которому корреспондируют обязанность исполнителя услуг возвратить уплаченные потребителем денежные средства и его право на удержание фактически понесенных расходов (далее – ФПР) с возвращаемых сумм. Однако в процессе реализации соответствующих прав и обязанностей зачастую отмечаются факты нарушений баланса интересов сторон потребительских правоотношений, в том числе со ссылками на принципы добросовестности и свободы договора.

Актуальность заявленной тематики, в том числе и в ее сравнительно-правовом аспекте, определяется тремя важными обстоятельствами, образующими проблемно-предметное поле представленного нами исследования:

- 1) допустимость одностороннего отказа исполнителя услуг от договора или изменения им в одностороннем порядке условий обязательства;
- 2) особенности и правовые последствия реализации потребителем своего права на односторонний отказ от исполнения условий договора;
- 3) необходимость достижения баланса интересов исполнителей услуг и потребителей при заявлении одностороннего отказа от исполнения договора.

Ключевой гипотезой исследования является предположение о том, что российский институт одностороннего отказа от исполнения договора и изменения условий обязательства в одностороннем порядке нуждается в значительном совершенствовании с учетом имеющегося опыта развития законодательства о защите прав потребителей в Республике Беларусь и с целью достижения оптимального баланса интересов сторон потребительских правоотношений.

Указанная проблематика практически не находит отражения в теории потребительского права России и Беларуси (все имеющиеся в настоящее время исследования затрагивают лишь гражданско-правовые ее аспекты), она впервые поднята авторами в одной из своих работ, где были выявлены особенности и правовые последствия реализации российскими потребителями (заказчиками) и гостиничными организациями права на заявление одностороннего отказа от исполнения договора и изменение в одностороннем порядке условий обязательства по предоставлению гостиничных услуг [109].

Рассмотрим три основные проблемы, связанные с реализацией сторонами потребительских правоотношений права на односторонний отказ от исполнения договора или изменение его условий в одностороннем порядке.

1. По общему правилу односторонний отказ от исполнения договора и одностороннее изменение условий обязательства не допускаются (п. 1 ст. 310 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [54], ст. 291 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) [53], а в случаях, когда исполнение обязательств связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на односторонний отказ от договора и одностороннее изменение его условий предоставляется стороне, не ведущей такую деятельность – то есть потребителю (п. 2 ст. 310 ГК РФ, в ГК Республики Беларусь аналогичная норма не закреплена).

Вышеназванные положения в полной мере соответствуют практике реализации правоотношений с участием потребителей. Более того, императивным является правило о недопустимости одностороннего отказа от договора или одностороннего изменения условий обязательства, что подтверждается п. 1 и 2 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [76], признающими такие условия ничтожными. В России такое право закреп-

лено только за потребителем, но в ст. 19 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» [136] не установлен прямой запрет на односторонний отказ от исполнения договора или одностороннее изменение его условий исполнителем услуг. Российский законодатель также конкретизировал, что подобные нарушения образуют любые условия о праве исполнителя на односторонний отказ от договора или изменение предмета, цены, срока и иных согласованных с потребителем условий договора.

Вместе с тем как российским, так и белорусским отраслевым и специальным законодательством в ряде случаев предусматривается и право исполнителя услуг на отказ от договора или изменение его условий в одностороннем порядке. Так, согласно ст. 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [238] обе стороны могут заявить об отказе или изменении условий договора при возникновении в месте временного пребывания угроз жизни и здоровью туриста, опасности причинения вреда его имуществу. В соответствии со ст. 10 вышеназванного Закона стороны могут отказаться от договора или изменить его и в случаях существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора.

В Республике Беларусь согласно п. 7 ст. 22 Закона «О туризме» [146] каждая из сторон договора оказания туристических услуг вправе потребовать в письменной форме его изменения или расторжения в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, либо отказаться от исполнения обязательств по договору в порядке, установленном Законом и ГК Республики Беларусь. Возврат внесенных за услуги денежных средств при расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств производится в течение 14 дней со дня предъявления заказчиком такого требования, при одностороннем отказе от исполнения обязательств по договору – в срок, установленный п. 2 ст. 38.1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей».

Сразу возникает вопрос: могут ли стороны предусмотреть в договоре или отдельном соглашении право на односторонний отказ от исполнения договора или изменение исполнителем его условий в одностороннем порядке?

В этом случае следует исходить из практики реализации принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ, ст. 391 ГК Республики Беларусь), специфики исполнения договоров присоединения (ст. 428 ГК РФ, ст. 398 ГК Республики Беларусь) и особенностей согласования с потребителем тех условий договора, которые изменяются исполнителем в одностороннем порядке. Так, безусловно, недопустимой является заблаговременная фиксация в договоре условий, которые предоставляют исполнителю право в будущем, при возникновении в этом необходимости, изменять потребительские свойства услуг без согласования с потребителем. Подобные условия противоречат п. 2 ст. 16 Закона РФ «О защите прав

потребителей» и п. 1 ст. 19 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» (хотя в указанной норме явно на это и не указано) и должны быть признаны ничтожными.

Напротив, когда стороны в договоре или отдельном соглашении закрепили возможность изменения конкретных условий договора (предмета, потребительских свойств и сроков оказания услуг и др.), считаются не нарушающими нормы законодательства и в полной мере реализующими принцип свободы договора. Отметим, что согласно п. 1 ст. 452 ГК РФ и п. 1 ст. 422 ГК Республики Беларусь соглашение об изменении или расторжении договора заключается в той же форме, что и договор, то есть, как минимум, в простой письменной форме.

Усложняется ситуация в том случае, когда исполнитель в одностороннем порядке изменяет существенные условия договора, что приводит к улучшению потребительских свойств услуг и, соответственно, к приобретению потребителями дополнительных материальных благ. Казалось бы, потребители находятся в более выгодном положении, и, следовательно, никаких нарушений в действиях исполнителей услуг не отмечается.

Однако, например, в силу ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и п. 3 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О туризме» потребительские свойства туристского продукта (комплекса туристических услуг) и всех входящих в него услуг относятся к существенным условиям договора, любое изменение которых в одностороннем порядке не допускается ни по умолчанию, ни в соответствии с условием договора, включенным в него заранее – с целью предвидеть наступление таких обстоятельств в будущем.

Так, туристическая организация, доводя до потребителя информацию о замене отеля на другой, более высокой категории, после его прибытия в страну временного пребывания, допускает нарушения норм п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 10, ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст. 7, 10, 16 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей», так как лишает туриста права на своевременное получение необходимой и достоверной информации об услуге, обеспечивающей возможность ее правильного выбора, ставит ситуацию вынужденного согласия. То есть возникает парадокс – даже при фактическом улучшении условий туристского путешествия, юридически ухудшаются потребительские свойства услуг, входящих в туристский продукт (комплекс туристических услуг).

2. Заслуживает внимания вопрос о том, какие можно выявить особенности и правовые последствия для сторон при реализации ими права на односторонний отказ от исполнения договора или изменение условий обязательства.

Право потребителя на односторонний отказ от исполнения условий договора может быть реализовано путем совершения любых конклюдентных действий, из которых явственно следует волеизъявление на пре-

кращение правоотношений, а это, по общему правилу, заявление требования (претензии) в устной, простой письменной, квалифицированной письменной или электронной формах. Здесь отметим, что досудебный (претензионный) порядок в сфере защиты прав потребителей как в России, так и в Беларуси не является по общему правилу обязательным (за некоторыми исключениями).

Односторонний отказ потребителя от исполнения условий договора может быть выражен не только в форме действия, но и в форме бездействия – воздержания от совершения действий, направленных на исполнение условий договора. Например, клиент забронировал номер в отеле, но отказался в одностороннем порядке от договора путем незаезда в средство размещения. В данном случае правовые последствия отказа потребителя от договора, выраженного в такой форме, определяются на основании п. 16 Правил предоставления гостиничных услуг [174], разграничивающего условия и последствия отказа от услуг при гарантированном и негарантированном бронировании.

Особого внимания заслуживает вопрос, связанный с обоснованностью удержания исполнителем фактически понесенных расходов, их определением и доказыванием размера в суде. Право исполнителя на удержание ФПР «запускается» только при одновременном наличии трех условий: а) заключение договора, содержащего условие о порядке и особенностях удержания ФПР; б) авансовый (предоплатный) способ оплаты услуг; в) подтверждение факта несения ФПР надлежащим образом (платежными и договорными документами конечных исполнителей).

Отсюда вывод о том, что в потребительские договоры нельзя включать условия о заранее оцененных убытках (например, в процентах от цены договора или в фиксированной денежной сумме) при заявлении одностороннего отказа от исполнения условий договора. Подобные убытки – не что иное, как штраф за односторонний отказ от договора, который не соответствует п. 1, 2 ст. 16, ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» и п. 1 ст. 38.1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» и образует состав административного правонарушения (п. 2 ст. 14.8 КоАП РФ и, хотя на это прямо и не указано, ст. 13.10 КоАП Республики Беларусь). Фиксированную процентную ставку ФПР следует относить к разновидностям договорной неустойки, но однако только потребитель наделяется правом притязания на неустойку, а сама такая процентная ставка противоречит правовой сущности неустойки, которая заложена в ст. 330 ГК РФ и ст. 311 ГК Республики Беларусь.

Фактический убыток в твердой сумме заранее тоже не может быть оценен, так как до оказания услуги заведомо невозможно определить и размер ФПР. На практике включение в договоры заранее оцененных убытков в фиксированных суммах, с одной стороны, свидетельствует о внесении в договор условия о штрафе за односторонний отказ потреби-

теля от исполнения договора, с другой стороны, приводит к возникновению у исполнителя услуг неосновательного обогащения, подлежащего взысканию в пользу потребителя на основании ст. 1102 ГК РФ и ст. 971 ГК Республики Беларусь.

Рекомендуем придерживаться следующих правил определения размера, порядка удержания и особенностей доказывания ФПР в судебном порядке:

1) ФПР могут быть удержаны независимо от включения условия о них в соответствующие договоры с потребителями, то есть на основании закона;

2) возникновение права на ФПР и их реальный размер могут определяться лишь постфактум – после оказания услуг, а внесение в договоры условий о заранее оцененных ФПР образует состав административного правонарушения;

3) компенсированию подлежат лишь ФПР, документально подтвержденные платежными и иными документами конечных исполнителей услуг;

4) к ФПР нельзя относить косвенные затраты исполнителя услуг, не связанные с исполнением заключенного между сторонами договора;

5) возмещению подлежат только те фактические затраты, которые возникли до заявления потребителем одностороннего отказа от договора;

6) авансовый платеж возвращается потребителю в полном объеме, а в случае наличия ФПР – за вычетом всех причитающихся исполнителю сумм.

Еще одна проблема связана с тем, что потребители в Республике Беларусь более защищены в сравнении с российскими, так как обязанность исполнителя услуг по возврату денежных средств при одностороннем отказе от договора законодательно не ограничена определенными сроками и не предполагает наступление неблагоприятных правовых последствий в виде установления и взыскания неустойки за нарушение таких сроков. Как следствие из вышесказанного – российские предприниматели в условиях отсутствия стимулов для возврата денежных средств не торопятся удовлетворять требования потребителей и даже советуют им обращаться в суд с подобными исками.

Институт одностороннего отказа от исполнения договора по инициативе потребителя известен законодательству многих стран, но далеко не во всех зарубежных правовых системах предусмотрены соответствующие санкции в отношении исполнителей услуг за неправомерное удержание денежных средств, уплаченных потребителями. Так, в Германии кредитор (потребитель) согласно § 280–283 ГГУ [48] может потребовать возмещения ущерба, причиненного нарушением обязанности должника (исполнителя) по возврату всего полученного по договору и передаче извлеченных из пользования им доходов (абз. 4 § 346). Законодательством скандинавских стран предусмотрен срок в 14 дней на возврат денежных средств потребителю, после истечения которого действия должника (исполнителя) квалифицируются как правонарушение.

Законодательство о защите прав потребителей в Республике Беларусь развивает скандинавскую модель правоотношений по одностороннему отказу потребителя от договора оказания услуг, так как предусматривает нормативно установленные сроки удовлетворения требований потребителя и санкции за их нарушение в виде неустойки. В данном аспекте результаты проведенного нами сравнительного анализа законодательства о защите прав потребителей России и Беларуси можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ норм законодательства России и Беларуси об одностороннем отказе потребителя от исполнения договора оказания услуг

	Российская Федерация	Республика Беларусь
Правовое регулирование	Ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст. 782 ГК РФ [54]	Ст. 38.1 Закона РБ «О защите прав потребителей» и ст. 736 ГК Республики Беларусь
Содержание	Право потребителя на возврат денежных средств, а исполнителя – на удержание фактически понесенных по договору расходов	
Особенности реализации	Не предусмотрены	Установлен 14-дневный срок на возврат потребителю уплаченных по договору денежных средств
Правовые последствия	Удержание исполнителем с денежных сумм, уплаченных потребителем, фактически понесенных расходов по договору	
	В отношении исполнителей – сроки возврата денежных средств и санкции за их нарушение законодательством не установлены	В отношении исполнителей неустойка в размере 1% от цены услуги или общей цены договора за нарушение 14-дневного срока

Сразу заметно, что обеспечение баланса интересов сторон потребительских правоотношений российским законодателем является весьма обманчивым, кажущимся, так как, во-первых, право исполнителей на удержание ФПР безусловно, и при несогласии потребителя с суммой таких расходов и вообще с самим фактом их удержания последнему придется потратить много времени и сил на восстановление нарушенных прав в судебном порядке, и во-вторых, корреспондирующая такому праву обязанность исполнителя по возврату денежных средств в разумные сроки российским законодательством, в отличие от белорусского, не предусмотрена, чем и злоупотребляют предприниматели.

Вышесказанное привело к тому, что в России нет единообразия в правоприменительной практике. Так, проведенный нами анализ

более 200 судебных решений по потребительским спорам позволил выделить четыре их группы:

1) многие суды, принимая односторонний отказ потребителя от исполнения договора оказания услуг, в то же время отказывают в удовлетворении их требований о взыскании неустойки, штрафа, компенсации морального вреда;

2) распространенной является позиция судов, согласно которой в пользу потребителя подлежат взысканию компенсация морального вреда и потребительский штраф на основании п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», а в требовании о взыскании неустойки должно быть отказано;

3) некоторые суды по инерции, с учетом ретроспективного опыта, удовлетворяют требования потребителей в полном объеме, взыскивая с исполнителей неустойку, компенсацию морального вреда и потребительский штраф;

4) интерес вызывают решения судов, где указывается на законность и обоснованность взыскания с исполнителей процентов за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 395 ГК РФ.

Точку в многолетних спорах поставил Верховный Суд РФ в своем последнем Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей [147], сделав при этом три принципиальных вывода, которые не внесли ясность по многим поднятым и рассматриваемым нами вопросам.

Во-первых, российский высший суд отметил, что нормы п. 5 ст. 28 и ст. 31 Закона РФ «О защите прав потребителей» применяются в их совокупности при нарушении сроков удовлетворения требований потребителя об отказе от договора в случаях различных «дефектов» исполнителя (например, в части ненадлежащего обеспечения качества и безопасности услуг, непредоставления или предоставления недостоверной информации об услугах и т.д.).

Во-вторых, отмечено, что законодательством не предусматриваются взыскание неустойки и какие-либо иные санкции за несвоевременный возврат исполнителем денежных средств при одностороннем отказе потребителя от услуг ненадлежащего качества. При этом не совсем понятно, на каком основании Верховный Суд РФ сделал такой превентивный вывод о качестве оказываемых потребителю услуг по умолчанию и до их непосредственного оказания.

В-третьих, применительно к добровольному отказу потребителя от договора правосстановительный характер имеют штраф и компенсация морального вреда; по мнению российского законодателя и судейской коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ такое нормативное положение обеспечивает наиболее эффективный баланс интересов сторон потребительских правоотношений – то есть, с одной стороны, оно превентивует явление потребительского экстремизма, а с другой стороны, стимулирует исполнителей на добросовестные действия по возврату денежных средств потребителям в разумные сроки, не установленные, однако, потребительским законом.

Соглашаясь лишь с первым выводом Верховного Суда РФ, отметим, что нельзя принять позицию, в соответствии с которой потребительский штраф, компенсация морального вреда и даже проценты за пользование чужими денежными средствами имеют правосстановительный характер и в должной мере стимулируют предпринимателей на исполнение обязательств по возврату потребителям денежных средств. При этом многие российские цивилисты (В.А. Белов, Н.В. Бугаенко, В.Д. Кравец, С.А. Краснова, М.В. Кратенко, В.Л. Слесарев, Е.Ю. Усольцев и др.) не разделяют доктрину сверхкомпенсационной защиты потребителей.

В таблице 2 нами представлена авторская точка зрения относительно недопустимости восстановления нарушенных прав потребителей (достижения баланса интересов сторон потребительских правоотношений) только лишь путем взыскания в пользу последних потребительского штрафа, компенсации морального вреда и процентов по ст. 395 ГК РФ.

Таблица 2 – Обоснованность взыскания неустойки при нарушении права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора оказания услуг

№ п/п	Потребительский штраф	Компенсация морального вреда	Проценты по ст. 395 ГК РФ	НЕУСТОЙКА
1.	Отчасти выполняет стимулирующую функцию, но снижается по усмотрению суда	Не выполняют стимулирующую функцию, так как взыскиваются судом в небольших суммах и снижаются по усмотрению суда даже без соответствующего заявления со стороны исполнителя услуг		Снижается судом в исключительных случаях и выполняет стимулирующую функцию
2.	Сохраняет публично-правовые признаки, не подменяя при этом неустойку (включая штрафную)	Не зависит от размера заявленных требований и определяется физическими и нравственными страданиями потребителя	Очень ограничен круг оснований применения в потребительских правоотношениях	Зависит от заявленных требований, широкий круг оснований применения, простота применения
3.	Не имеют длящийся характер и не учитывают длительность нарушения прав потребителей при отказе их от договора		Имеют длящийся характер и учитывают длительность нарушения прав потребителей при отказе их от договора	

Особый интерес представляет позиция о взыскании, наряду с потребительским штрафом и компенсацией морального вреда, процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ, которую можно признать наиболее обоснованной, и которая уже реализована в ряде подзаконных нормативно-правовых актов. Например, в постановлении Правительства РФ от 20.07.2020 г. № 1073, определяющем порядок расторжения договоров о реализации туристского продукта, заключенных до 31 марта 2020 года (до пандемии коронавируса), и устанавливающим обязанность туроператора уплатить туристу проценты за пользование чужими денежными средствами.

Даже если и закрыть глаза на все недостатки такого способа восстановления нарушенного права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора, перечисленные в таблице 2, отметим, что имеется и еще одно очевидное ограничение применения норм ст. 395 ГК РФ к рассматриваемым ситуациям. Так, для «запуска» норм указанной статьи необходимо установить временной момент, при достижении которого мотив добровольности трансформируется в нарушение права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора. Иными словами, необходимо законодательно установить срок добровольного возврата исполнителем услуг денежных средств.

С учетом вышеизложенного и учитывая опыт Республики Беларусь в регулировании таких вопросов, считаем обоснованным дополнить ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» двумя пунктами следующего содержания:

«2. Исполнитель обязан вернуть потребителю денежные средства в течение 10 (десяти) дней со дня предъявления соответствующего требования, указанного в п. 1 настоящей статьи.

3. За нарушение предусмотренного п. 2 настоящей статьи срока удовлетворения требования потребителя исполнитель уплачивает за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере 1% цены услуги или общей цены договора (за вычетом денежной суммы фактически понесенных расходов)».

Памятуя о высказываниях многих правоведов о недопустимости сверхкомпенсационной защиты прав потребителей, можно предложить сгладить остроту ведущихся сегодня дискуссий путем дополнения ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» четвертым пунктом следующего содержания: «при заявлении потребителем указанного в п. 3 настоящей статьи требования в судебном порядке нормы абз. 1 п. 6 ст. 13 настоящего закона не применяются». То есть, потребитель, обращаясь в суд, приобретает право выбора санкции, которая будет применена судом по его требованию при нарушении услугодателем его права на односторонний отказ от исполнения договора.

Итак, сделаем три принципиальных вывода. Механизм реализации права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора четко

определен законодательством России и Беларуси. Но тем не менее гражданским и потребительским законодательством рассматриваемых стран не в полной мере урегулированы вопросы, связанные с возможностью реализации исполнителями своего права на односторонний отказ от исполнения условий договора или одностороннее изменение условий обязательства, особенно в тех случаях, когда такое право допускается договорами или дополнительными соглашениями, где потребитель выразил свою волю на согласие с их условиями.

Несмотря на то, что нормами отраслевого и специального законодательства правом на односторонний отказ от договора и одностороннее отступление от его условий наделяются не только потребители, но и исполнители услуг (при наличии ряда ограничений), такое право последних, на наш взгляд, всегда ущемляет права потребителей. В связи с этим законодательно следует в п. 2 ст. 782 ГК РФ и п. 2 ст. 736 ГК Республики Беларусь закрепить развиваемую многими цивилистами (например, Л.В. Санниковой [195]) позицию о недопустимости одностороннего отказа от исполнения публичных договоров или изменения их условий услугодателем, к которым относятся и договоры в сфере туризма.

Предложенная нами редакция ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» имеет скорее превентивный и стимулирующий характер, нежели компенсационный (правовосстановительный). Отсюда три ключевые цели: а) стимулирование исполнителей услуг к надлежащему исполнению обязательства по возврату денежных средств при отказе потребителей от договора; б) снижение нагрузки на судебные органы путем досудебного урегулирования большинства споров; в) формирование цивилизованного договорного регулирования правоотношений с участием потребителей услуг.

3.3. Торговля людьми и суррогатное материнство по УК РФ и УК Республики Беларусь

Суррогатное материнство в России до сегодняшнего дня далеко не всегда представляет собой правомерно оказанную услугу по вынашиванию и рождению ребенка, оказываемую на основании договора суррогатной матери (женщины, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальных родителей (чьи половые клетки использовались для оплодотворения), либо одинокой женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка оказалось невозможно по медицинским показаниям (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)[237]. За так называемой услугой, предоставляемой, как правило, иностранным гражданам, нередко скрывалась противоправная деятельность по торговле детьми. По словам спикера Государственной Думы РФ В. Володина, за последние несколько